

мук, и так продлится до самой смерти — такое наказание выпало ему в этой жизни за содеянное.

Трудно описать, что творилось в душе Эрри в ту ночь. Когда настало утро, статуи исчезли, и все вокруг стихло. Зеркала отражали только дневной свет, но Эрри никак не мог прийти в себя. Когда он увидел в зеркальной стене свое осунувшееся зеленоватое лицо с ввалившимися глазами, то испугался своего отражения не меньше, чем если бы перед ним снова начали проплывать страшные картины ночи. Он принялся бродить взад и вперед по комнате, как зверь в клетке, ожидая, когда ему откроют дверь. Наконец явился слуга.

— Ну как, — спросил он, — почивать изволили?

Эрри ответил ему взглядом, способным убить кого угодно, но слуга и бровью не повел:

— Так как же вам, господин, ночью спалось?

Эрри закричал не своим голосом и вместо ответа вцепился слуге в горло. Тот не успел и слова сказать, как расстался с жизнью.

Только после этого Эрри наконец-то пришел в себя. Он некоторое время стоял над телом слуги и думал: «Может статься, он и не виноват, что со мной здесь такие шутки шутят... Но клянусь чем угодно, что до завтрашнего дня все, кто надо мной издевался, заплатят мне по заслугам!» С такими мыслями он перетащил тело слуги в Комнату Зеркал, а сам пошел в сад. Ему хотелось как следует осмотреть замок, отыскать какую-нибудь лазейку, чтобы убежать, а заодно отомстить за все то зло, которое ему причинили.

— Для начала, — сказал он сам себе, — надо бы узнать, где держат моего коня.

Он пошел через сад, надеясь найти где-нибудь конюшню, и по дороге наткнулся на старушку, которая, стоя на коленях, пропалывала грядки, выбирая сорную траву. «Наверное, — расудил Эрри, — она знает, где конюшня?»

— Эй, бабуля, — крикнул он, — руки не замерзли?

Старушка подняла голову. Если бы Эрри смыслил в колдовстве, он бы понял, что под сморщенной кожей и под бедной одеждой скрывается молодая хозяйка Замка Зеркал.